

Людмила Павлова

кузнечик

Книга стихов

«Геликон Плюс»
Санкт-Петербург
2023

УДК 82.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 12

Павлова Л.

П 12 Кузнечик : Книга стихов. — «Геликон Плюс», Санкт-Петербург, 2023. — 100 с.

ISBN 978-5-00098-376-8

Художник Виктор Меркушев

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей*

© Павлова Л., текст, 2023.
© Пугач В., предисловие, 2023
© Меркушев В., иллюстрации, 2023
© «Геликон Плюс», оформление, 2023.

ЦЕЛЫЙ МИР

Отражать мир, находящийся вокруг или внутри нас, не задача поэзии. Работник слова, отражающий мир, становится пересказчиком или в лучшем случае — переводчиком. Задача поэзии — мир создавать. И каких только миров не насоздавали миллионы (сейчас уже — миллионы) людей, пишущих стихи на русском языке, — похожих друг на друга и почти всегда увечных: нелепых, хромых на глаз и подслеповатых на ноги... И нередко бывает, что такие миры востребованы, а их творцов венчают лаврами и балуют лайками.

Но есть же и настоящие поэты — создатели эстетически полноценных миров. Вот и Людмила Павлова такой поэт. И пусть о существовании созданного ею мира знают немногие (впрочем, первые её стихотворения были отмечены победами и в конкурсе «Заблудившийся трамвай», и Российском сетевом литературном конкурсе), пусть она автор только второй книги после почти двадцатилетнего перерыва, причем обе вышли ничтожными тиражами — ничто из этого не важно.

Важен только созданный поэтом мир. Вот он, физически ощущаемый через звук:

За немеряным километром
В придорожном несвежем рву
Мёртвых бабочек сносит ветром,
Выворачивает траву.

Звуковая плотность здесь изумительна, мастерская игра на согласных т-р-в-ж делает этот мир тревожным, а энергичные глаголы «сносит» и «выворачивает» — страстным и динамичным. А за внешней вещественностью проступает тайна:

Ближе к осени всё, что с корнем,
Уцепилось за этот ров
В тайном страхе пред миром горним —
Самом тёмном из всех миров.

Какими обширными смыслами прирастает этот ров! Как играет эпитет «тёмный» по отношению к «горнему» миру! Тут и физическая темнота осеннего неба, и рискованная игра с привычной оппозицией «верх — низ», и признание принципиальной невозможности понять логику «горнего» мира, особенно в момент, когда «всё, что с корнем» ещё хочет жить, а пора умирать... Перед нами всего лишь осенний

пейзаж, даже с указанием конкретного места — Рехколова. Как сказано в Интернете, «упразднённой деревни». Но далее (найдите это стихотворение в книге и внимательно дочитайте его) в пейзаже возникает и человек, этакий местный Демосфен, пытающийся излечиться от косноязычия перекатыванием «рехоловских» камней во рту, но бессильный объяснить, почему жизнь упраздняется, как некогда деревня. Что это — попытка апологии, признание человеческой ограниченности, намёк на трагедию? А просто это — мир, созданный поэтом, такой же объёмный и бездонный, как и мир реальный.

Взгляните на эту великолепную пластичность (цитирую другое стихотворение):

Тяжёлый грунт подводных чащ,
Хребты камней, протёртых ниц,—
Здесь мир расстроено звучащ,
Преображён в шипенье птиц,

В неразличимый ухом скрип
Железных жабр придонных щук,
В безмолвный хор дрожащих рыб,
В беззвучный грохот их кольчуг...

И так можно выписывать строфу за строфой, потому что Людмила Павлова — замечательный *мастер* в

исконных смыслах этого слова, то есть *творец* и *хозяин* своего поэтического мира. Может быть, по количеству слов (она автор всего нескольких десятков стихотворений) этот мир и невелик, но зато по сложности и безмерности исключителен, как и бывает у всякого большого поэта. И знаете, что в нём главное? То, что он *целый*.

Вадим Пугач

* * *

Животный страх небытия
Пасёт Твои стада.
Как холодна ладонь Твоя
И каменно тверда!

Вот лёд безумная весна
Сплавляет по реке,
И плачет мудрая жена
О гордом рыбаке.

О безрассудство и азарт —
Прибежища страстей!
Остановись, вернись назад
Героем новостей!

Но ошалевшая вода
Несёт его ладью,
Мелькают годы, города
В уже чужом краю...

Похищен! Верная земля
Всё дальше и бледней.
Спешу, заложник корабля,
Навек проститься с ней,

Пока под парусом крыла
В ночную даль летим
И знаем, что ладонь тепла
И страх неощутим.

* * *

За немеряным километром
В придорожном несвежем рву
Мёртвых бабочек сносит ветром,
Выворачивает траву.

Ближе к осени всё, что с корнем,
Уцепилось за этот ров
В тайном страхе пред миром горним —
Самом тёмном из всех миров.

Что ты можешь, наглец, руками
Затыкающий пустоту,
Звуков рехоловские камни
Перекатывая во рту,

Сын оракула, в должной мере
Не владеющий языком?
Чтоб в своей утвердиться вере
Ты приходишь сюда тайком...

Мир окуклился чёрной пашней,
Ощетинился, как стерня.
Что ты, без вести здесь пропавший,
Пожинаешь к исходу дня?

Соглядайте с лицом страдальца,
Что ты можешь сказать Творцу?
Озираясь, испачкать пальцы?
Содрогаясь, стряхнуть пыльцу?

Чтобы смерти последний выдох
Ощутить на своих руках —
В затаившихся хризалидах,
В остывающих светляках...

* * *

Тяжёлый грунт подводных чаш,
Хребты камней, простёртых ниц, —
Здесь мир расстроено звучаш,
Преображён в шипенье птиц,

В неразличимый ухом скрип
Железных жабр придонных щук,
В безмолвный хор дрожащих рыб,
В беззвучный грохот их кольчуг...

За чей неразрешимый грех
Переселялись в этот ад
Они, жильцы озёр и рек,
Забыв земной звучащий сад,

Теряя голос, чуткий слух,
На полумрак меняя свет,
Как тот мигрант, что нем и глух,
Но жив, продавшись за обед:

Он цел, пусть дом его сгорел
И дым над озером навис,
Лишь тучи оперённых стрел —
Летучих рыб — взмывают ввысь,

И в памяти всплывает крик —
Как рот, разодранный бедой...
Так, задыхаясь, прудовик
Хватает воздух над водой.

* * *

Как дерзкий отрок, мучимый стыдом
За то, что, распалён томленьем духа,
Летел на звук, не голосом ведом,
Но лишь игрой обманчивого слуха

И, обольщён двуличьем языка,
Искал единства в письменном и устном,
Пока в змеином шелесте песка
Не опознал того, что было руслом,

Так ты, безумец, немощен и слеп,
Ещё живёшь покорно и устало,
На чёрный день выпрашивая хлеб,
Но цепким ухом ловишь звон металла

И, только дождь услышав вдалеке —
Живую тень неразличимой речи, —
Упрямо чертишь крестик на руке,
Как верный знак привидевшейся встречи.

* * *

Живи, наслаждаясь затишьем,
Для целого мира незрим:
Мы то, что мы видим и слышим
И знаем, но не говорим.

Не веришь? Ну что же, засмейся,
Рискни обнаружить подлог:
Быть гением общего места —
Проверенный твой потолок.

Отличник, привыкший к победам,
Вторгаясь в чужие дома,
Блесни сумасшествием, бредом —
Забавой больного ума.

Но лучше, рождённый в сорочке,
С серебряной ложкой во рту,
Закройся в своей оболочке,
Лелея, как дар, немоту:

Блажен избегающий пира,
Сумевший в пылу торжества
Легко увернуться от мира,
Оставив ему рукава,

Чтоб в небо глядеть полусонно,
Наследуя в этой игре
Тот мир, что открыт для шпиона
За брешью в потёртом ковре.

* * *

Где-то запах мелиссы разлит,
От жары задыхается сад,
И ночная дорога пылит
Под ногами недремлющих стад.

И пока утомлённый пастух
Гонит стадо с засохших полей,
Голос плоти, терзающей дух,
Огрызается громче и злей.

Он зовёт за собою туда,
Где, припав к вожденной воде,
Отдыхают с дороги стада,
Волчья шкура висит на гвозде,

Где твои потайные следы,
Сколько сорное семя ни сей,
Без труда открывают ходы
Хитроумных твоих одиссей.

Дотерпи, продержись до утра,
Притаись, притворись неживой:
Незаметно спадает жара,
Погружаясь в туман с головой,

И пастух, неумелый ловец,
Забываясь искусственным сном,
Не сбиваясь, считает овец,
И мелисса цветёт под окном.

* * *

Простые слова забывая,
Киваешь во сне головой:
Быть может, верста столбовая,
А может быть, столб верстовой...

Опять из столицы в станицу —
В дыру с постоянным двором,
Где птицы, клюющие пиццу,
Меха раздувают нутром,

Где, поздних гостей поджидая,
Держа наготове пирог,
Проворные девки Валдая
Бесстыдно стоят у дорог.

Попутчик порожнего рейса —
Убытка забытой стране,—
Укройся от ветра, согрейся,
Усни — и услышишь во сне,

Как в ритме ухабов и кочек,
Пробивших дорожный свинец,
Беззвучно звенит колокольчик,
Неслышно гремит бубенец.

* * *

Должно быть, я вправить уже не смогу
Подвывих в давно воспалённом мозгу
Того, кто обучен при встрече
С размаху бросаться на плечи.

Блистательный век, разевающий пасть, —
Нет, лучше не слышать, в беспмятство впасть,
Не верить в свою паранойю —
В пружинящий шаг за спиною.

Беги, от него ничего не спасёт:
Он знает и помнит — и он донесёт,
С авоськой стеклянных бутылок
Догонит — и клюнет в затылок.

Живей уходи, прижимаясь к земле,
Успей добежать, оказаться в седле,
Бесстрашно вскочить на подножку,
Заметив вблизи неотложку,

А дальше — лети через мост, грохоча,
К иным берегам под присмотром врача,
Чей глаз, немигающе-птичий,
Надёжно следит за добычей.

* * *

Кто прячет слово на устах
И не спешит войти,
Запечатлённый на листах
Как ветер во плоти?

Кто к нам явился и стоит
Неслышно за стеной?
Что он настойчиво таит
В коробке черепной?

Он, не доживший до седины,
Вдруг вышел тиражом
И к нам пришёл, а мы сидим
И память стережём:

Обрывки слов, черновики,
Воспоминаний взвесь,
Стихов посмертные венки —
Мол, умер, но не весь:

Вот-вот он стукнет по трубе,
Соломой зашуршит,
Послушай, это он к тебе
Своей строкой пришит.

Теперь забудешь вечерком
Гадать о женихе,
Который с вечностью знаком,
Но запрещён в стихе,

Кто здесь, но сколько ни глядим,
А нет его нигде,
Кто под землёю невредим,
Нерастворим в воде.

Не прикоснись к нему рукой,
Замри, не подходи!
Какой незыблемый покой
Кипит в его груди!

Он там, где сыро и темно,
А потому — молчок!
Задуй свечу, заляг на дно,
Не поднимай сачок,

Не то случится, как в кино:
Чуть загремишь ключом,
Откроешь дверь, а он в окно —
Иваном Кузьмичом.

КОЛЯСКА

Подходит зима, и развязка
Уже ощутимо близка...
К Москве ковыляет коляска,
Накатывает тоска

По родине... Холод Валдая
Сжимает, как ворот тугой;
Глухой колокольчик, рыдая,
Захлёбывается под дугой.

Качается слева направо
Коляска, и давит в груди:
Уже быстротечная слава
Оставлена позади.

Дожить бы для прочих незримо,
Да треск водевиля любя,
Скучающий щёголь из Рима
В комедию вставит тебя,

Чтоб, в залы театров нахлынув,
Оскаливалась толчея —
Вот слава! И ты, брат Мартынов,
Известнее будешь, чем я:

Кто вспомнит героя романа
И список его послужной?
Война, ополчение, рана
Останутся за спиной,

И лет через двадцать, напевно,
Игриво болтая серьгой,
Бессмертная Анна Андревна
Протянет: «Так это другой!

Коллежский, заметьте! Не статский,
Но тоже охотник до книг!»
И смех беспардонно дурацкий:
Ну как же, явился двойник!

...А нынче — проклятая тряска,
Дорожные ямы и рвы!
Глядишь, не доедет коляска:
Не выдержит до Москвы!

* * *

Всего-то и выбыло в нашем полку —
Подумаешь тоже — герой:
Свистящая дырочка в левом боку,
А скажут: с гигантской дырой,

Как будто ядром проломило каркас,
Скатилась с груди голова,
А всё же он выполнил данный приказ,
Сразился с бесстрашием льва.

Он первым загнулся среди рядовых:
Опять повезло дураку,
Теперь он навеки остался в живых —
Шагает в бессмертном полку.

А где-то отважный отряд на врага
Несётся сквозь тысячи лет,
И в горны трубит, и сигналит в рога,
К седлу приторочив скелет,

Чтоб ночью, у вечного греясь огня,
Под пляску болотной мошки
Строчить мемуары минувшего дня,
Овсом набивая кишки,

Чтоб, слух усыпив комариной зурной,
Глаза до рассвета закрыв,
Забуть беспокойный его позывной —
По-детски писклявый надрыв.

Лишь сердце дрожит, как осиновый лист:
Кто бросил тебя одного?
И слышится ветер да жалобный свист...
И ночь, и вокруг — никого.

* * *

Не помнить о будущем, жить не спеша —
Не то что проснуться и петь,
Не то чтобы выдохнуть: «Жизнь хороша!» —
И не торопиться успеть,

Но видеть следы ускользающих лыж
На рвущейся ткани воды
И слышать, как дождь осыпается с крыш
Горстями стекла и слюды;

Дыхание жизни на глади зеркал
Искать, как предвестие сна,
И точно не помнить того, что искал,
Но помнить о том, что она —

Как быстрый укол, что наносит рука,
Вонзая в хитин остриё, —
Нетленна, но временна и коротка,
Насколько мы знаем её.

* * *

Страшны предчувствия войны,
Известны выбранные цели:
Дома давно расселены,
Дворы заметно опустели.

Не освежает утра брань,
Не тянет жизнью из подвала,
Лишь на окне горит герань —
Неоспоримый знак провала,

Как будто язычок свечи
Тревожно подаёт сигналы,
Лежат под ковриком ключи,
В почтовом ящике — журналы...

Смотри, там точно кто-то жив,
Он только прячется умело,
Для маскировки одолжив
Своей душе чужое тело.

Там, на цепочки и крючки
Закрывшись до приезда «скорой»,
Следят за нами старички,
Смеются, спрятавшись за шторой,

Там глухо щёлкает затвор
Щеколды или шпингалета,
И птица падает во двор
Трофеем ловкого дуплета.

* * *

Белый волан взлетает над головой,
Падает и трепещет, ещё живой,
Солнце ползёт по вытоптанной траве,
Кто-то выводит жалобы на трубе —
Не сомневайся: это он о тебе
Плачет, с тобой в родстве.

Где это время, в туманной какой дали?
Лёгкий волан, оторванный от земли,
Облако кружев, раструбы на рукавах...
Как серебрятся волны, поёт Дунай!
Где это было? Не надо, не вспоминай:
Не передашь в словах,

Как вдохновенно, не помня февральских стуж,
Дует в горячий горн, разжигая туш,
Юный трубач, и сияет на солнце медь;
Как от предчувствия плачет твоя душа,
Словно по нотам, старательно, не спеша,
Не помышляя смерть,

Но от догадки о том, что там, впереди,
Хочется крикнуть: не надо, не выходи!
Прячься, кто может, укройся, чтоб не нашли!

Сердце стучит, и печатает шаг бычок,
В ящик ложится безропотно — и молчок:
Слушает марш вдали.

* * *

Немую публику собрав,
Прищурившись хитро,
Очинит остро каллиграф
Гусиное перо.

Проклятый маг, авантюрист,
Магистр ворожбы:
Минута — и покроют лист
Послушные рабы.

Уже отчётливей, черней
Неровный строй строки,
Отряды пляшущих червей
Сплетаются в клубки,

Чернильных волн живая вязь,
Как россыпь леденцов,
Блестит на солнце, становясь
Приманкой для глупцов.

Не ускользнёт из цепких рук
Нечаянный улов —
Зевака, клюнувший на звук,
На шевеленье слов.

Недолго он издалека,
Упрятав тело в грот,
За страстным танцем червяка
Следил, разинув рот...

Мгновенный трепет серебра,
Упругий всплеск воды,
И солнца чёрная дыра —
Предвестие беды.

Короткой жизни простака
Бессмысленный итог:
Волны бегущая строка...
Кудрявый завиток.

* * *

Пусть друзья мои — нет железней,
Только это не про меня.
Их лекарство от всех болезней —
Бесполезная трескотня.

Я глотаю промозглый воздух,
Вижу пропасть над головой, —
Чьей-то волей забитый гвоздик,
Незначительный и кривой.

Всех промашек моих, осечек
Не упрятать под мишуру.
Мне заменит простой кузнечик
Лютни рыцарей на пиру,

А когда в насекомой ловле
Ослабеет моя рука,
Навестите — и в изголовье
Поместите мне светляка.

Тем, кто жил без высоких целей,
Робко спрятавшись в уголке,
Свет мерцающих пироцелий
Будет теплиться вдалеке —

Нет, не то чтобы согревая
Кровь холодным своим лучом...
Просто будет душа живая
Где-то рядом с моим плечом.

* * *

Едва накроет землю мрак
Подобием тенёт —
Вдали условно свистнет рак,
Телега громохнёт,

Навеселе проедет грек
Заезженным хитом,
И нервно вздрогнет имярек,
Стоящий под мостом.

Он затаился, чуть живой,
Лишённый языка.
Трещит по швам над головой
Прогнившая доска.

Он, так беспомощен и слаб,
Укрылся здесь, и вот —
Людская молвь, и конский храп,
И ход подземных вод.

К несвязной памяти присох
Болячкой лёгкий свист,
Он как в сандалиях песок,
За шиворотом лист,

И тонкий месяц неспроста
Над головой навис,
И кто-то с дряхлого моста
Заглядывает вниз.

ЭЛЕГИЯ

Не размыкая уст,
Угрюмый дремлет Север
В раю, где каждый куст
Стрекозами усеян,

Где гордый муравей
Всю ночь под образами
О той, что всех резвей,
Вздыхает со слезами.

О, сколько их, ко дну
Беспечностью влекомых
И славящих весну,
Погибнет насекомых!

Мелькнёт короткий век
Под грохот погремушки —
И вот, как чёрный снег,
Перед глазами мушки.

Где солнца благодать?
Веселья суматоха?
Уже не угадать
Ни пения, ни вздоха.

Зазеленеет мирт
Над поредевшей кущей,
И лето прошумит
Рекой быстротекущей.

КУЗНЕЧИК

Чужого счастья торжество —
По лугу босиком
Скакать, не помня никого,
Не зная ни о ком.

Колени выше головы
Над сетью травяной.
Не плакать, не вздыхать: «Увы!»
Не мучиться виной

За смерть личинок и жуков,
Уложенных в живот,
За то, что груб и бестолков
Свободный перевод

Всего, что слышал жарким днём
На кухне полевой
Про разговор огня с огнём,
Травы с другой травой...

Под стрекотание стрекоз
И жалобы шмелей
На непогоду, на покос
Дремать в виду полей,

Ни стен, ни свода потолка,
Ни бремени долгов...
И так приятна и легка
Дорога в Петергоф!

* * *

Когда живая полынья
Остынет подо льдом,
Тогда не спи, душа моя,
Лети в холодный дом,

Туда, где комната пуста,
Где слог тяжелоуст,
Где только гласных долгота,
Согласных мёртвый хруст.

Где стол был груб и твердолоб,
Переходя на скрип,
Давно стоит стеклянный гроб —
Там бродит чайный гриб,

Там, золотясь по вечерам
Над пригородным сном,
Звезда дрожит назло ветрам
В тумане ледяном.

Горит невидимый ожог
И не даёт уснуть,
Как будто газовый рожок
Забыли привернуть,

И ночь идёт издалека
С прохожими людьми...
И это тленье уголька
Попробуй отними.

* * *

Ганной Главари, весёлой вдовой,
Жить припевая и думать: «Не вой:
Помни, что жизнь его мнима
Без театрального грима».

Мартовский полдень, на солнце скупой;
Снег осыпается манной крупой —
Пусть декоратор надменный
Тешится этой подменой.

Всё поправимо за давностью лет:
Смейся, уткнувшись в дырявый жилет,
Радуйся, кнопками кода
Глупо играя у входа.

Что же ты медлишь? Открой и войди.
Видишь, он тихо уснул на груди,
Соединившись запястьем
С юным неслыханным счастьем...

— Дрянь оперетка.
— Что делать, дружок,
Если не отдан последний должок?
Петь по законам контракта
Вплоть до последнего такта.

* * *

Всё, что останется в памяти:
Срубов просевшие брёвна,
То, как вы землю копаете, —
Неглубоко и неровно,

Без аммиака, без натрия
В толщу бесплодного слоя
Клубень, разрезанный натрое,
Вдавливаете с золою,

То, как шагами нетвёрдыми
К дому плетётся враскачку
С доверху полными вёдрами
Сторож, толкающий тачку,

Плачет слезами нетрезвыми,
Грязно ругается чёртом:
«Ногу-то в Польше отрезали,
В августе, в сорок четвёртом».

Там, в Александровской, в Сиверской,
В Богом хранимой Пустошке
Молятся Матушке Иверской
Об урожае картошки,

В редком порыве согласия,
Веря Господнему гневу,
Просят помочь Афанасия,
Трифона и Параскеву.

Небо, сухое и тихое,
Жаром пылающий полдень...
Старые ходики, тикая,
Год убавляют Господень.

Ветер просёлками серыми
(Хоть бы дожди окропили!)
Вечно несёт над посевами
Мутное облако пыли.

Крутятся в памяти клиповой
Сторож, бредущий к избушке,
Скрип от ноги его липовой,
Звяканье ведерной дужки...

* * *

Короткое лето пропето
В преддверии новой зимы.
Не стой на краю парашета
В надежде добиться взаймы.

Попробуй унять полуптичий,
В подполье рождённый мотив,
Сезонные знаки отличий
На пользу себе обратив.

Пойми, ты не связан обетом
С дивизией строчек витых.
Не думай, что скажет об этом
В присутствии двух понятых,

В крови заподозрив стероид,
Доносчик, как жила надут,
Когда твою клетку откроют,
В которой тебя не найдут.

* * *

Царапая стихи на грифельной доске,
Почувствовать, как боль сжимается в руке,
Как инородный звук все глубже и верней
Цепляется за жизнь системами корней

И пробует облечь незримые миры
В наполненный теплом покров земной коры.
Он волен воплотить кочующий сюжет
Про чернолесье слов на белизне манжет,

Способных говорить понятным языком
С поющим на ветру дрожащим сорняком,
И в силах обратить болезненный привой
В тяжёлые плоды над нашей головой.

Пусть в облике его, где всё от естества
(Уста его — река, глаза его — листва),
Едва мерцает свет — довольно и того,
Чтоб славить всякий час дыхание Его.

* * *

Одичавший фамильный склеп.
В одряхлевшей стене — пролом.
Верно, ангел от слёз ослеп:
Ненароком задел крылом.

В двух шагах от него застыв,
Улыбается, как живой,
На дрожащей трубы призыв
Не ответивший часовой.

Что он знает о Судном дне?
Или вовсе неведом страх
Тем, кто выжил на той войне,
Оказаться в иных мирах?

Ангел склонится ко кресту.
Часовой не оставит пост.
И в небесную пустоту
Погрузится пучина звёзд.

* * *

Ангел должен ходить босыми ногами
по чистому полу.

Из разговора с бабушкой

Долгая ночь на Николу,
Дом, занесённый снегами.
Ангел по чистому полу
Ходит босыми ногами.

Словно почувствовав холод,
Крылья накинув на плечи,
Тихо по дому проходит
Возле нетопленной печи.

Робко, как будто младенец,
Руки, озябшие за день,
Греет теплом полотенец,
Гладит мерцающий складень.

В свете его меднолитном,
В голубоватой эмали —
Всё, что по детским молитвам
Мы о любви понимали:

— Отче, сияющим раем
Явленный в облаке славы!
Видишь, как мы умираем?
Как беззащитны и слабы?

Пусть нам таинственной силой
Ангел согреет ладони!
Боже, спаси и помилуй
Всех, замерзающих в доме,

Где из тяжёлых сугробов
Сквозь снеговые охапки
Смотрит Угодник суровый
В зимней сверкающей шапке.

* * *

Облако. Обморок. Цвет полевой.
Солнце сливается с мёртвой травой.
Божья коровка ползёт по щеке.
Я, засыпая, плыву в гамаке.

Здесь, под палящим дыханием дня,
Я забываю забывших меня.
Тонут в непрочных сетях гамака
Отзвуки времени, лето, река.

* * *

Мой критик, бледнея, худея,
Хладея, вырастает в строку:
Ему-то знакома идея,
Как шулерский крап игроку,

Понятно по цвету пылинок
Откуда я родом, по ком
Хрустит пересохший суглинок
Под грубым моим каблуком;

Сейчас он узнает, прочна ли
С завязкой туманная связь,
Он ждёт ригурнеля в финале,
Бледней и худей становясь,

И верит, наивный, уликам,
Стремясь обнаружить следы
За нервно блуждающим бликом
На тёмном провале воды.

* * *

Финские волны, холодные, словно ножи.
Корчится в море купальщицы смелое тело.
Ветер такой, что, не выдержав, даже моржи
Греются в баре, и чайки орут оголтело.

Мы, наблюдая за морем, устало молчим,
С детства набегам волн уподоблены рыбам.
Штиль — и вода покрывается сетью морщин,
Шторм — и вода, озверев, поднимается дыбом,

Звоном в ушах; пробегает по коже озноб;
Кровь заглушает размеренный пульс метронома.
Время прилива — покрытый испариной лоб.
Время отлива — разлитая в теле истома.

* * *

Андрею Бердзенишвили

Вера в подлинность мира — наука вживания в роль,
Адаптация к данному веку, подмосткам, коллегам,
Декорациям; к мысли, что жизнь не бывает игрой
И обрывки бумаги на деле являются снегом,

Ибо мера таланта — искусство скрывать ремесло,
Создавая иллюзию жизни, известная школа,
Где прыжки и ужимки — фантазии в стиле Дидло —
Называют полётом, послушным веленью Эола,

Где однажды, поняв, что актриса подносит ко рту,
Задыхаясь от кашля, платок со следами краплака,
Верный зритель, окуклившись, слепо глядит в темноту,
Словно что-то утратил, подобие смерти оплакав.

В КАНУН СУМАРОКОВСКИХ ЧТЕНИЙ

В канун Сумароковских чтений
Не спит беспокойный Парнас.
Там публика много почтенней
И чище, чем нынче у нас.

Вот статский советник Херасков,
К стихам нагуляв аппетит,
Отменно к собратьям неласков:
Поносит, плутами честит.

Желая устроить ко благу
Свою молодую судьбу,
Петров переводит бумагу
(Лозинский вертится в гробу).

В разреженном воздухе, мнится,
Разлили тончайшую желчь:
Горит баснописец Хемницер
Пороки глаголами жечь.

В прохладе, под лавром тенистым,
Обильно растут лопухи —
Там Львов с сердобольным Капнистом
Приятелю чинят стихи:

Не выйти ему в офицеры,
Хоть малый неглуп, с головой,
Но рифмы! А слог! А манеры!
Видать по всему — рядовой!

Куда там слону в ювелиры!
Слова неуклюже грубы:
Чрез звуки бряцающей лиры
Доносится голос трубы...

Как бабочки, пляшут мгновенья
Во мгле почивающих рощ,
И в чёрную пропасть забвенья
Уходит угрюмая ночь.

* * *

Точны движенья недрожавших рук,
Привычен запах йода, мазей, капель.
Насвистывая песенку, хирург
С любовью к делу точит верный скальпель.

Он знает, посвящённый, — смерть легка:
Жизнь истлевает с бренностью окурка.
Бессмертник сух и бронзов. Облака —
Как беличья распластанная шкурка.

* * *

Словно тень, этот блудный трамвай
По невидимым в сумраке рельсам
Проплывает... Ну что ж, отплывай,
Но последним — внеплановым — рейсом.

Чтоб, легко на подножку вскочив,
Мы смогли под покровом наростов
В прежнем городе, лживом, как миф,
Опознать лишь Васильевский остов —

В нашей речи, уже неживой,
В чьих-то рифмах почуяв засаду,
В той строфе, что сквозит синевою
Полинявших от света фасадов,

А минуя Смоленский погост —
Кольцевую, — вагоновожатый
Остановит вагон. И взахлёт
Снег ударит волной бесноватой.

* * *

Захлопнешь тяжёлую дверь за собой —
И вспомнишь, притворно скорбя,
Что этот разрыв, преднамеренный сбой
Случался не раз до тебя:

Ты это читал или видел в кино
И подлинно знаешь о том,
Что выглядишь глупо, нелепо, смешно,
Как будто наряжен шутом.

Но стоит поверить, что всё-таки спишь,
Что это не здесь, не с тобой,
Как плюнет неон с побелевших афиш
На чёрную кровь мостовой,

И не ощутишь, а внезапно поймёшь,
Как холод ползёт к животу,
И слабость в ногах, и саднящую дрожь,
И привкус железа во рту,

А в стёклах плывущих навстречу машин
Увидишь, как возле столба
Стоишь дураком, проглотившим аршин,
И дождь вытираешь со лба.

* * *

Приятель, знакомый до боли
В разбитой до крови скуле,
Когда-то мы гнили в Тоболе
В одном коммунальном дупле,

Карабкаясь выше и выше
Под бодрюю песню о том,
Кто смело бросается с крыши
Со старым дырявым зонтом,

Чей путь безупречно рассчитан,
И холоден разум, как лёд...
Неважно, о чём сообщит он,
Когда завершится полёт, —

Идеи безропотный узник,
Охотник взлететь на руках
В тот рай, где пылит кукурузник
В тяжёлых, как сон, облаках.

* * *

У речки, мелководной и рябой,
Сливающейся с небом водянистым,
Архангел с облупившейся губой
Не выдержит сравнения с горнистом:

Он тих и неподвижен, как больной —
Ценитель ускользающих мгновений,
И сходство с убывающей луной
Становится страшней и откровенней,

Когда полуживые старики
Глядят не с любопытством, но с тоскою
За медленным движением реки
Под сводами приёмного покоя.

* * *

Ни к чему городской панораме
Эта двадцать шестая верста,
Где сквозит за пустыми дворами
Оскоплённое поле холста.

Где-то реки гранитом одеты
И туман над водой серебрист...
Здесь иные запомнит приметы
Поражённый простудой турист:

Прижигание герпеса серой,
Полоскание горла бурой,
Кислый воздух: то бурый, то серый,
Но хронически полусырой.

Будет помнить о том неопите —
Резвом сыне, не знавшем отца,
Пожелавшем оставить граффити
На сырой штукатурке дворца.

* * *

Так наступает куриная слепота:
Кажется, город по памяти узнаваем.
Можешь закрыть глаза, сосчитать да ста —
Тот же пейзаж с уползающим в парк трамваем,

Тот же прохожий, покорно вдыхая смог,
Кутается в пальто, подавляет кашель;
Ветер, как водится, ловко сбивает с ног,
Снег по привычке становится манной кашей;

Финский залив, превращённый в коктейль
со льдом —
Время остановилось. Забыть не пробуй,
Как накануне ночи встречает дом
Лестничной клетки невычищенной утробой,

Запахом лука и воблы, как из пивной,
«Волчьего глаза» рассеянными лучами...
Тихо, но кто-то идёт за твоей спиной,
Как прокажённый, чуть слышно звеня ключами.

ОСЕНЬ ВРЕМЕНИ

Осень времени вновь на исходе:
Листья-пламя, берёза-свеча —
Всё придумано в этой природе,
Всё как будто с чужого плеча.

Уходящее видится вечным,
Но отжившим сплетением слов,
И от тлена уже не сберечь нам
Цвет берёзовых белых стволов.

По воде годовыми кругами
Расплываются капли свинца;
Золотая листва под ногами —
Как минувших столетий пыльца.

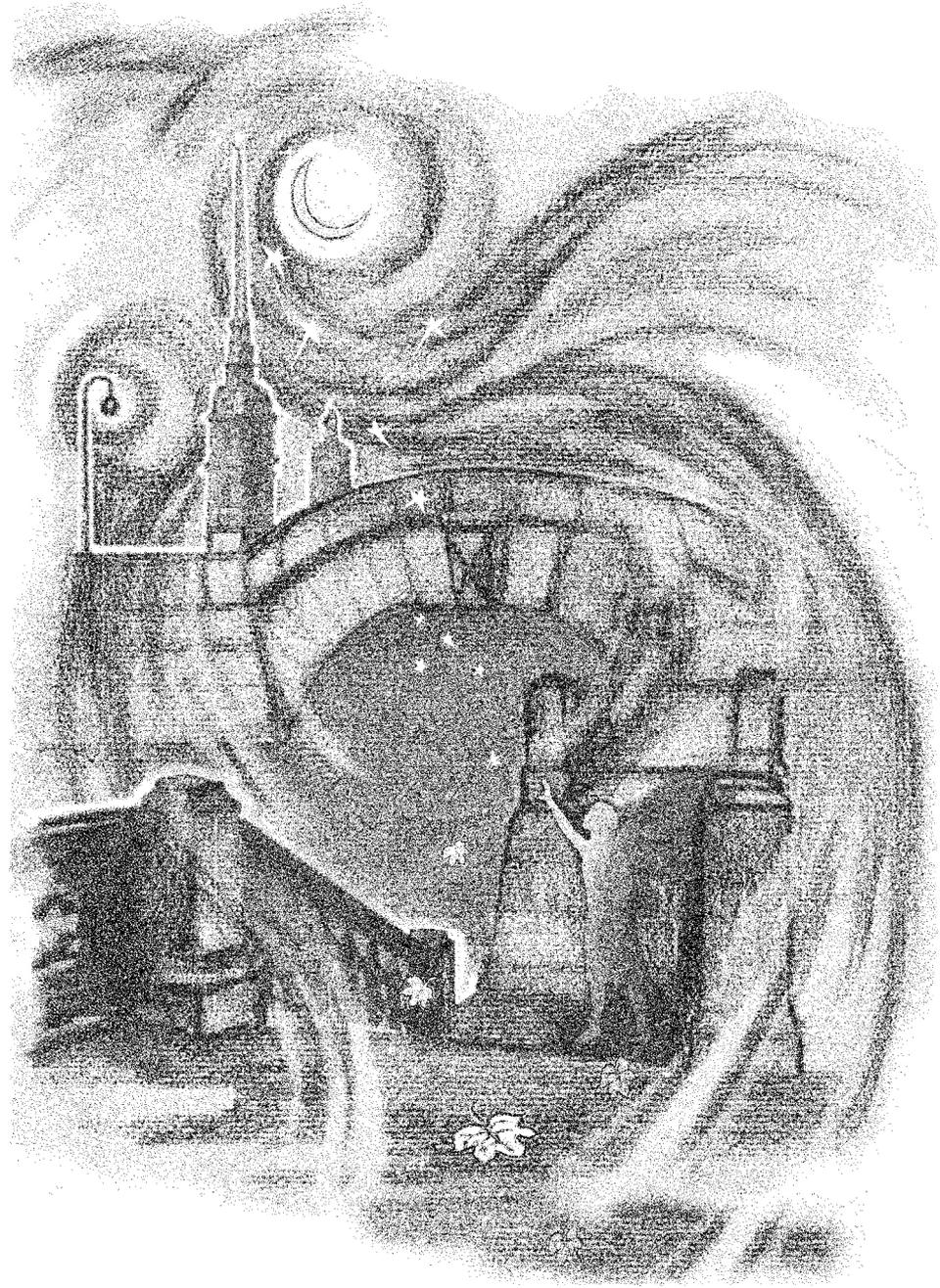
ОЛОВЯННОЕ СОЛНЦЕ ЗИМЫ

Оловянное солнце зимы.
Серый снег — прошлогодний? вчерашний?
Вавилон с покосившейся башней
Петропавловской бывшей тюрьмы.

Как знаком этот город-альбом
Пожелтевших от времени фото.
Тот же чувствуешь холод горбом
И чахоточный кашель до рвоты.

Чёрный ветер, ослепший январь —
Не поднять без усилия веки.
Что за улица? Снова фонарь,
Как бельмо, при дежурной аптеке,

Где аптекарь, сухой старичок,
Неизменно торгующий ядом,
Устремляет свой птичий зрачок
На зевак, оказавшихся рядом.

СУМЕРКИ ФЕВРАЛЯ

Андрею Бердзенишвили

Сумерки февраля. Классика: слякоть, кляксы,
Мокнет во мгле скамья с видом безродной таксы
На остановке, где в роли того буржуя
По вечерам грустна и голодна, дрожу я.

Тлеют обломки льда — старого, то есть, мира,
Сыро, и надо мной в небе кусочек сыра:
Сходство почти на сто, чтоб закричать картаво
В полный диапазон — меньше, чем в пол-октавы.

Сыро, и в двух шагах не опознать предметы —
Вытянутой рукой не обнаружить света.
Сумерки в феврале кажутся нам темнее
Летних, когда туман, в воздухе стекленея,

Стынет, и с тополей падают тонны пуха,
Лёгкие, как обман зрения или слуха —
Несовершенство чувств: с детства звучит зловеще
Имя Грабарь, лазурь грубо звенит... Как вещи,

Можно менять слова: время, порядок, формы
Или не соблюдать языковые нормы,
Но перемена мест, времени, суммы знаков
Нас убеждает: мир скучен и одинаков.

Что, что опять весна? Счастье сродни привычке.
В куб возведи слова и заключи в кавычки
Всё, что за столько лет время не изменило:
Сумерки, слякоть, дождь... Да, не забудь чернила!

ВАРИАЦИЯ

Пышным цветом уже зацветает в косе седина.
Не беда, выбор всё-таки есть: или хна, или басма,
Или старый, как мир, и к тому же поклонник вина
Донжуан Иванов, у которого, к прочему, астма.

Чтоб подняться на пятый, однажды ты вызовешь лифт,
Размышляя о том, что всё чудом должно измениться,
Лишь наступит весна. Но, колени свои оголив,
Ты себя ощутишь не девчонкой уже, но девицей.

Слава богу, до этого срока лет шесть. Или пять.
Можно верить в тот мир, что тебе был поэтами навран,
И закончив свой день, в супермаркете жадно искать
Запах ночи, по книгам знакомый, — лимона и лавра.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В чистом поле мой древний герб:
Ясным месяцем острый серп,
Словно глаза кривая щель,
Ищет хрупкую колыбель.

Тише, тише, усни, малыш,
Ты невидим, пока молчишь.
Уплывает во сне ладья
В непорочность небытия.

Тише... Издали (сердце вскачь!) —
Несозревших колосьев плач.
Где-то снова преломлен хлеб.
Слышишь окрик: «Где брат твой Глеб?»

Вот и тихо. Мой белый свет
Выбит клином. На небе нет
Звёзд. Но кто-то в сухой руке
Держит месяц на волоске.

* * *

Здесь иноки пишут иконы,
Сжимаются своды скита,
И слышно, как сердце Ионы
Колотится в чреве кита.

Как будто в закрытые двери,
Взлетев на знакомый порог,
Стучит оступившийся в вере,
Бежавший от Бога пророк.

Не жди, что небесные хоры
Взорвутся лихим попури
О всех, бороздящих просторы
С живым пассажиром внутри,

О всех, поглощённых утробой,
Вмещающей тысячи тонн, -
И вырваться даже не пробуй,
Хлебнувший свободы планктон!

Почувствуй в прообразе гроба,
Приблизясь к последней черте,
Все ужасы клаустрофоба,
Очнувшегося в темноте!

Стучи — и по воле Господней
Тебя через пару минут
Из чёрных глубин преисподней
Обратно на службу вернут.

Не думай, как треснет обшивка,
И хлынет в отсек кислород:
В сценарий закралась ошибка.
Все живы, никто не умрёт.

На землю не падает пепел,
Так холоден тыкваенный лист,
А воздух недвижим и тепел
И как-то по-новому чист.

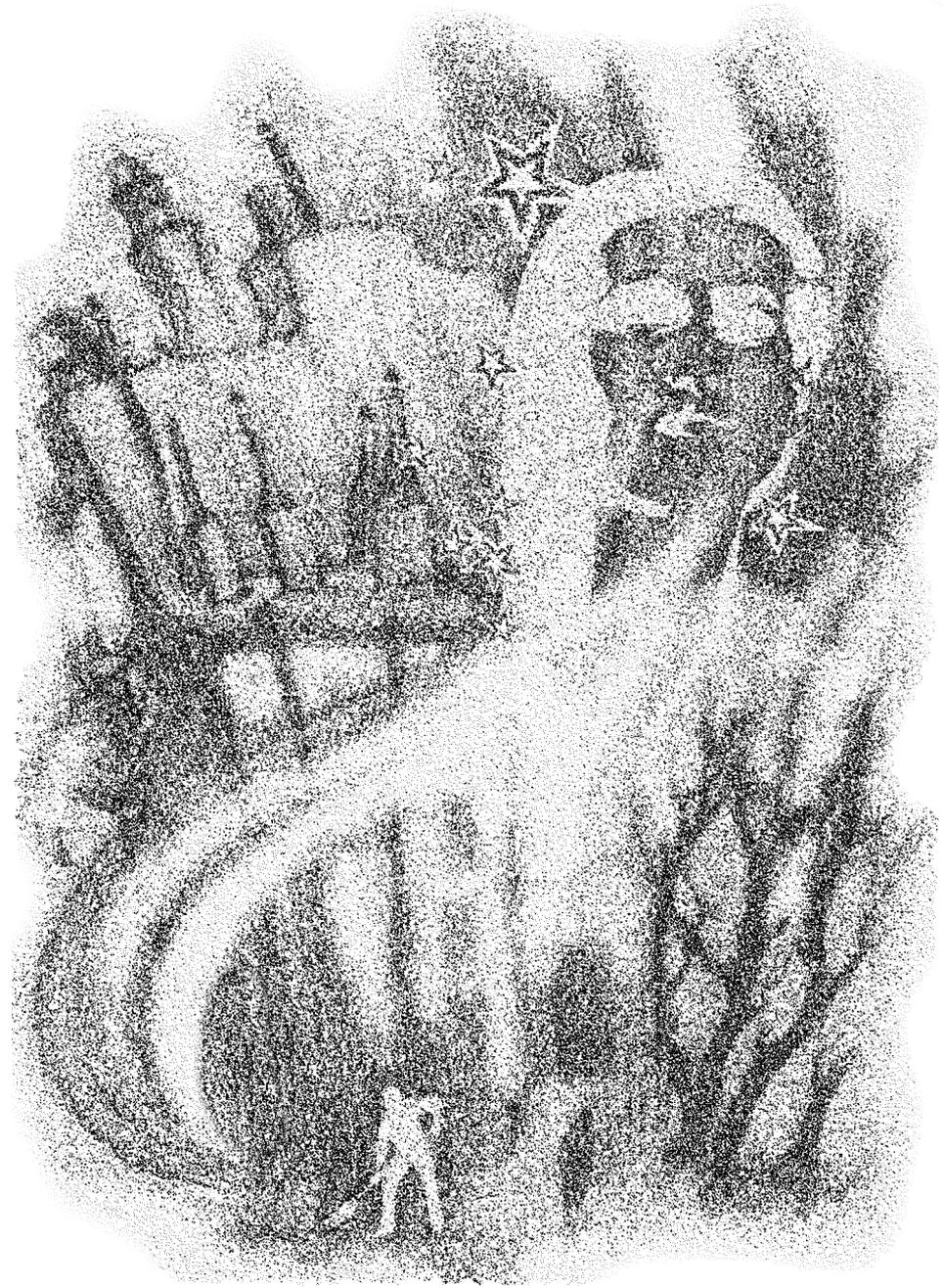
11-я КРАСНОАРМЕЙСКАЯ

Осень. Пустует вокзал, и давно не удел
Те поезда, что полночи уснуть не давали
Старому дворнику в годы, когда он владел
Собственной крохотной комнатой в полуподвале.

Прежде хозяин, теперь он, нездешний жилец,
Стал поневоле на старости лет следопытом:
Бродит по лестницам в поисках медных колец
В доме сыром, вспоминает о полузабытом.

Так возвращаются в старости детские сны:
Время болезни, но весело, будто живая,
Кружится чайная ложечка вроде блесны...
Так и живёшь, под гипнозом её пребывая,

Словно не помня о том, что твой дом расселён.
Ночью проснёшься, как будто тебе позвонили,
И по привычке почувствуешь: так же силён
С «Красного пекаря» приторный запах ванили.

* * *

Что нам время и все имена,
Отзвучавшие гордо и нежно?
Ахеронская ночь не страшна,
А привычна, скучна, неизбежна.

Мы уйдём или станем никем,
Может быть, только сном или духом,
Покидающим мир налегке,
Ведь земля не становится пухом.

Отчего же мы втайне храним
Веру в то, что бессмертна Деметра,
Если жив одуванчика нимб
Так недолго — до первого ветра?

* * *

Закат на холоде лилов,
И слышен вдалеке
Тяжёлый звон колоколов,
Плывущий по реке.

Не видит неба пустоту
Над самой головой
Лежащий навзничь на плоту
Свидетель неживой.

На глубине его зрачка,
На самом дне глазном,
Где отражение сучка
Становится бревном,

Застыло время, словно лёд:
Ни буквы, ни словца,
Ложится бронзовый налёт
На празелень лица.

Темнеет палая листва,
Редеют сети трав,
Земля, как чёрный хлеб, черства
У дряхлых переправ.

Давно в крови огонь потух,
И пульс успел остыть.
Но всё твердит мятежный дух
О том, что нужно плыть

Туда, где ночью или днём
В рыбацьем шалаше
Есть тот, кто молится о нём —
О выбывшей душе,

Кто, не поддавшись на испуг,
Отправится вперёд,
В груди услышит робкий стук —
И двери отопрёт.

— А дальше? Дальше? Всё ты врешь!
— Да нет же! Угольки
Раздует — и заметит дрожь
Бестрепетной руки.

Коснётся гибкая лоза
Окаменевших век,
И вот откроются глаза,
И он увидит снег.

И он легко, как по степи,
Пойдёт по небесам.
— А что же дальше?
— Потерпи...
Потом узнаешь сам.

* * *

Где-то Лермонтов живёт,
Там, в пыли, на книжной полке;
На Всемирной барахолке
В сеть запутался, и вот —

Едет на перекладных,
Скачет в сумерках в телеге,
Помышляя о побеге
В мир теней, ему родных,

В дом, где все ему близки,
Где не недруги, а гости,
Где ни горечи, ни злости,
Ни страданий, ни тоски.

Только знай себе пиши,
Сочиняй ходы сюжета.
Жаль, ни пламени, ни света,
Ни свободы, ни души...

Как неслышно подошёл
Вечер, лёгок и неспешен...
И летят, кружась, на стол
Лепестки черешен.

ВСЁ ПУТЁМ

Всё путём: ни колдобин, ни выбоин,
По всему — городской юбилей.
Дом больнице подобен и выбелен
До костей — не бывает белей.

Так на старом лице, омоложенном
Перетяжками, взгляд искажён.
Мы здесь жили с рожденья, так что же нам
В доме собственном, словно в чужом, —

В том, что был по прожилкам диковинным,
Как облупленный, с детства знаком...
Телефон, заливаясь Бетховеном,
Прозвонит неизвестно по ком.

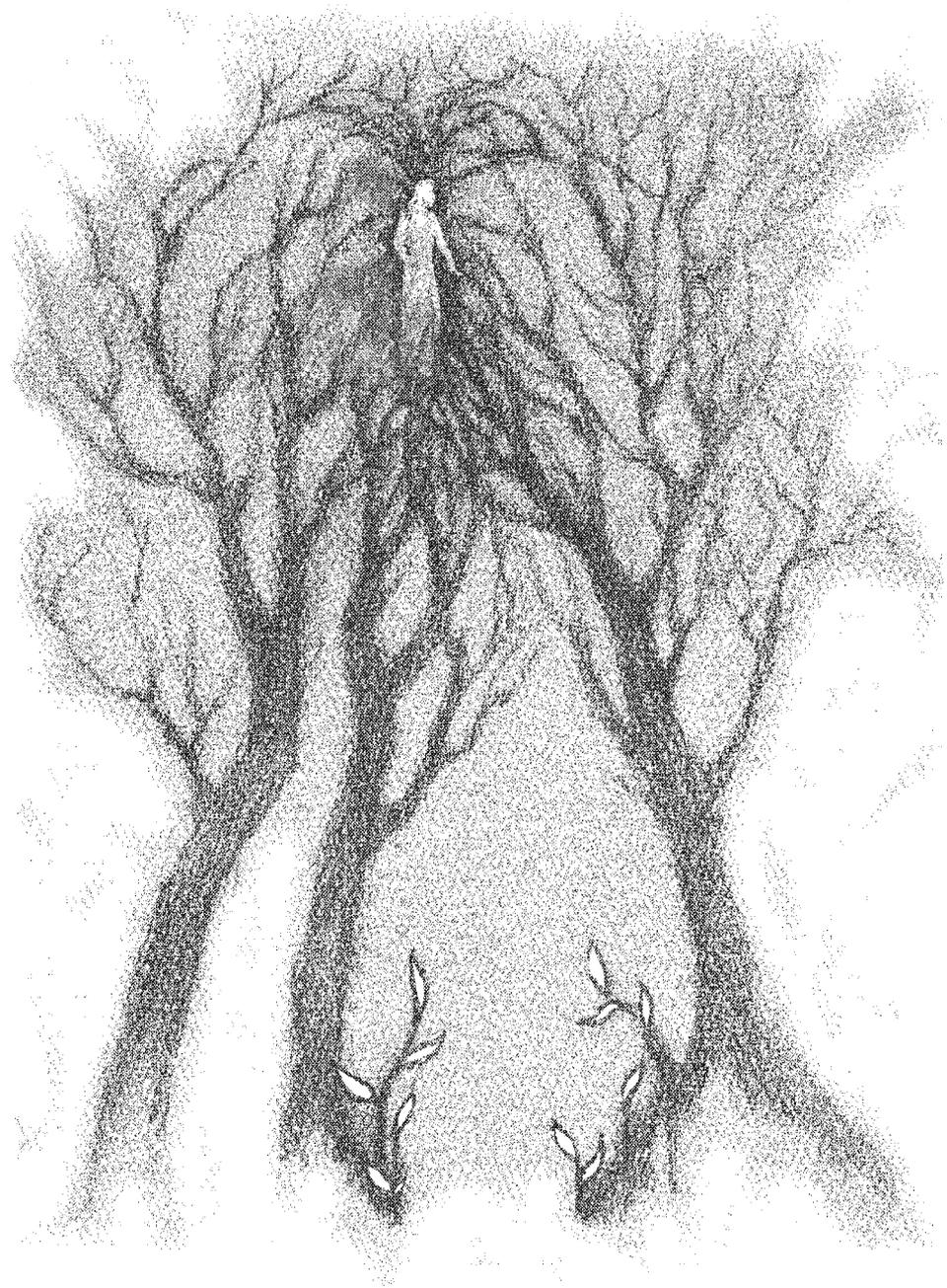
Сон украдкой. Шаги опечатками.
Звон цепочек — фальшивых монет.
Лишь под утро ступенями шаткими
Тени прошлого сходят на нет.

* * *

Опустевшей смоковницей будет опять рождено
Всё: от пышных соцветий и вплоть до тяжёлых соплодий,
Прогибающих ветви, — так таинства жизни полно
Одичалое древо торжественных древних псалмодий.

Тяжело, напряжённо звучат диалоги хоров —
Канонически немногословное многоголосье:
Поклоненье волхвов, принесение жертв как даров
Приношенье, и дым неугодных плодов и колосьев.

Глубине голосов не собора могучая мощь
И не стройность колонн, а деревьев созвучна несхожесть:
Виноградной упругой лозы — и маслиновых рощ,
Плодоносных и светлых, стволы с шелушащейся кожей.

* * *

По горло погружаться в липкий морок —
В беспамятства процеженную воду,
В поток первофантазий, оговорок,
Умело искажающих природу,

Затем чтобы, приёмом образцовым
Отваливая грубую обманку,
Почувствовать, что мир перелицован
Игрой в непобедимую изнанку,

Где ты, герой разгаданной картины,
С улыбкой виноватой и кривою
Являешься в финале скарлатины
В гостиную с обритой головою.

Орехами сверкающая ёлка —
Предвестие счастливого билета,
Стоящая навытяжку двустволка,
Услужливое тело арбалета,

И музыка, звучавшая когда-то,
И книги, украшение витрины,
Про душу оловянного солдата
И ветренное сердце балерины,

И мёртвые смеются, как живые,
Обманутые страстью к переменам,
И грозно наступают нулевые,
Картинно проходя Кривоколенным,

И в образе, напыщенном и пошлом,
Оратор поднимается на сцену,
И время между будущим и прошлым
Шатается и держится за стену.

* * *

Тот, кто станет из нас одним,
Тот и выберет псевдоним.

Спросят:

— Кто там?

— А никого...

Рассчитались до одного.

Предположим, твоё Никто
Надевает своё кашне,
Отправляется в шапито,
Как положено, по стене,
Через тридцать три кирпича,
Строя рожи и хохоча...

Он из тех, кто живёт тайком,
Кто скрывает своё лицо
За стоячим воротником,
Кто снимает с руки кольцо,
Чья газета сквозит дырой,
Кто по счёту всегда второй,

Кто, глазок залепив дверной,
Онемев, обратился вслух,
У кого за любой стеной
Есть приятели между слуг,
Тех, что знают такой подвал —
И Некрасов не ночевал...

Кто по самым глухим дворам,
Возвращаясь к себе домой,
Пробирается по утрам
Обессиленный и немой...
Что-то пишет от всех тайком
Между строк твоих молоком.

* * *

По травам луга, где у ног
Полно поводырей —
Проворно тянется вьюнок,
Ползёт вперёд пырей,

Где стебли, дивно высоки,
Шумят над головой,
Кипрей касается руки
И мятлик луговой.

Не помня времени, пути,
Куда-то по прямой
Ты всё пытаешься дойти —
Из дома ли, домой,

Давно сливаются в одно
И небо, и земля,
Ты опускаешься на дно,
На зелень щавеля.

Тебе шмели трубят отбой,
Возносится пыльца,
Дрожат, сгибаясь под тобой
Зелёные тельца,

Ты различаешь у плеча
Святыни здешних мест:
Вот подорожника свеча,
Сурепки жёлтый крест,

Ряды колосьев, ввечеру
Лежащие ничком.
И колокольчик на ветру
Болтает язычком.

* * *

Ничто по смерти не мертво —
Жива природа,
Где мы частицы одного
Круговорота:

Гонимы ветром ли, волной,
Весны лучами,
Охотой к странствиям, страной,
Не спим ночами,

Врастая в общую судьбу
Живым побегом,
Скрипим, ворочаясь в гробу,
Цветём под снегом,

Чтоб снова щёлкать соловьём
На все лады нам,
Дышать в Отечестве своём
Вишнёвым дымом,

Зелёный шум предугадать
За жёлтым паром,
Чужого слова благодать
Глотая даром.

Но как бесхитроsten и смел
Безумства гений,
В ком чистый разум уцелел
Во дни гонений,

Кто, глядя в зимнее окно,
Не слышит хруста,
Кому не больно, не смешно —
Легко и пусто.

СОДЕРЖАНИЕ

Целый мир. <i>В. Пугач</i>	3
«Животный страх небытия...»	7
«За немеряным километром...»	9
«Тяжёлый грунт подводных чащ...»	12
«Как дерзкий отрок, мучимый стыдом...»	14
«Живи, наслаждаясь затишьем...»	15
«Где-то запах мелиссы разлит...»	17
«Простые слова забывая, ...»	19
«Должно быть, я вправить уже не смогу...»	20
«Кто прячет слово на устах...»	21
Коляска	23
«Всего-то и выбыло в нашем полку ...»	25
«Не помнить о будущем, жить не спеша ...»	28
«Страшны предчувствия войны...»	29
«Белый волан взлетает над головой...»	31
«Немую публику собрав...»	33
«Пусть друзья мои — нет железней...»	35
«Едва накроет землю мрак...»	37
Элегия	39
Кузнечик	41
«Когда живая полынья...»	43

«Ганной Главари, весёлой вдовой...»	46
«Всё, что останется в памяти...»	47
«Короткое лето пропето ...»	49
«Царапая стихи на грифельной доске...»	50
«Одичавший фамильный склеп...»	52
«Долгая ночь на Николу...»	53
«Облако. Обморок. Цвет полевой...»	55
«Мой критик, бледнея, худея...»	56
«Финские волны, холодные, словно ножи...»	57
«Вера в подлинность мира — наука вживания...»	58
В канун Сумароковских чтений	59
«Точны движенья недожащих рук...»	61
«Словно тень, этот блудный трамвай...»	62
«Захлопнешь тяжёлую дверь за собой...»	64
«Приятель, знакомый до боли...»	65
«У речки, мелководной и рябой...»	66
«Ни к чему городской панораме ...»	67
«Так наступает куриная слепота...»	68
Осень времени	69
Оловянное солнце зимы	70
Сумерки февраля	72
Вариация	74
Колыбельная	75
«Здесь иноки пишут иконы...»	76
11-я Красноармейская	78
«Что нам время и все имена...»	80
«Закат на холоде лилов...»	81

«Где-то Лермонтов живёт...»	84
Всё путём	85
«Опустевшей смоковницей будет опять рождено...»	86
«По горло погружаться в липкий морок ...»	88
«Тот, кто станет из нас одним...»	90
«По травам луга, где у ног...»	92
«Ничто по смерти не мертво...»	95

Людмила Геннадиевна Павлова

Кузнечик

Книга стихов

Верстка *Е. В. Житинской*

Корректурa *Ю. Б. Гомулиной*

Художник *Виктор Меркушев*

Дизайн обложки *Е. О. Шварёвой*

Издательство «Геликон Плюс»

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 24.08.23. Формат 70x100^{1/32}

Гарнитура Уорнок. Печ. л. 3,125

Тираж 150 экз. Заказ 01-07

Отпечатано в ООО «Геликон Плюс»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 28, литер А,

пом. 1 Н, ч.п.1-18

<http://www.heliconplus.ru>